

13. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Град обреченный; Второе нашествие марсиан: фантастические романы; сост. Н. Ютанов; послесл. С. Переслегина; ил. А. Карапетяна. СПб.: Terra Fantastica [и др.], 1997. 555 с. (Миры братьев Стругацких).
14. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
15. Трубина Е. Джунгли, базар, организм и машина: классические метафоры города и российская современность // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_70/ (дата обращения: 20.10.2020).
16. Хряпченкова И.Н. Человек в искусственной среде: стратегия социальной жизнедеятельности: Автореф. дис. ...доктора философских наук. Нижний Новгород, 2004.
17. Юнгер Э. Гелиополис. // Гелиополис: Сборник. Пер. с нем. / Сост. Архипова Ю.И.; Предисл. Дранова А.В. М.: Прогресс, 1992. 814 с.

ЧИТАЯ ПУШКИНА ГЛАЗАМИ ЛЕМА

Горбатов Д. Б.

Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского,
Управление международного сотрудничества, переводчик

В статье рассмотрены и проанализированы глубокие связи между стихотворением Пушкина «Анчар» (1828) и романом Лема «Непобедимый» (1955–1964). В качестве исходной посылки взят подход к творчеству Пушкина, изложенный Сергеем Довлатовым в повести «Заповедник» (1977–1983). Писатель отмечает «олимпийское равнодушие Пушкина... готовность принять и выразить любую точку зрения... [его] неизменное стремление к последней высшей объективности... и сочувств[ие] движению жизни в целом...»; при этом Довлатов отдельно подчёркивает крайне нетипичное для российской «официальной» пушкинистики мнение о том, что творчество поэта «выше нравственности, побеждает нравственность и даже заменяет её». С такой точки зрения, отношения между властителем и рабом, который отправляется за «суперъядом», убивающим всё живое вокруг, можно понять не просто как подчинение человека *подвластного* человеку *властному* (здесь власть – *разрушающая* сила: «первый» уровень рассмотрения), а как имманентное стремление Человека *познать* опасную тайну Природы и *овладеть* ею (здесь власть – *созидающая* сила: «второй» уровень рассмотрения), даже ценой собственной жизни (феномен *жертвенности первооткрывателя*); причём такое познание превращается в «летальное оружие», что ставит под угрозу само существование человечества. Кроме того, здесь появляется возможность увидеть экзистенциальное «раздвоение» на господина и раба внутри одной, *цельной* личности («третий» уровень рассмотрения) – как это представлено в древнеавилонском Диалоге о Благе (10-й век до н. э.). В заключение высказывается мысль о том, что – вне зависимости от того, знал Лем стихотворение Пушкина или нет, – он «продолжает» идею «Анчара», как бы перенося её в далёкое будущее, где человек способен не только безответственно вторгнуться в опасную тайну природы, но также осознать все последствия такого вторжения и отступить, – однако отступить не как проигравший, а как «равный» познанной тайне, осознавая всю меру тяжкой ответственности, которую невозможно «просчитать» заранее.

Ключевые слова: *А. С. Пушкин, «Анчар», С. Лем, «Непобедимый», диалектика власти, «Диалог о Благе», Человек и Природа*

READING PUSHKIN THROUGH THE EYES OF LEM

Gorbatov D. B.

Tchaikovsky Moscow State Conservatory,
Department for International Affairs, translator

Deep links between Pushkin's poem *The Upas Tree* ('*Anchar*', 1828) and Lem's novel *The Invincible* ('*Niezwycięzony*', 1955–64) are considered and analyzed in the article. An approach to Pushkin's oeuvre set out by Sergei Dovlatov in his novel *The Reserve* ('*Zapovednik*', 1977–83) is taken as an initial premise. This Russian writer notes "Pushkin's Olympian calm ... willingness to accept and express any point of view ... [his] constant striving for the last supreme objectivity ... and sympathy for the movement of life as a whole ..." At the same time, Dovlatov stands virtually alone to emphasize that the poet's oeuvre "is above morality, conquers morality and even replaces it," an opinion extremely atypical for Russian 'official' Pushkinism. From this point of view, the relationship between the ruler and the slave who goes after the 'super-poison' killing all life around, may be interpreted not just as the submission of the man of *obeyance* to the man of *authority* (power is a *destructive* force here, which constitutes the 'first' level of consideration) but as Man's immanent striving to *know* and to *master* the dangerous mystery of Nature (power is a *creative* force here, which constitutes the 'second' level of consideration), even at the cost of his own life (the *discoverer's sacrifice* as a phenomenon); and such knowledge turns into a 'lethal weapon', threatening the very existence of mankind. Besides, here we get an opportunity to witness an existential master-slave dichotomy within one *integral* personality (which constitutes the 'third' level of consideration) – as it is presented in the ancient Babylonian *Dialogue of Pessimism* (10th century B.C.). In conclusion, an idea is suggested that, regardless of whether Pushkin's poem was or was not known to Lem, the Polish writer 'continues' Pushkin's idea, as though transferring it to some distant future, when not only is man able to irresponsibly invade the dangerous mystery of nature but also to comprehend all the consequences of such invasion and to retreat, – yet, to retreat as a person 'equal' of the learned mystery rather than as a loser; to retreat, realizing the whole measure of his hard responsibility, which is impossible to anticipate.

Keywords: *Alexander Pushkin*, '*The Upas Tree*', *Stanisław Lem*, '*The Invincible*', *dialectics of power*, '*Dialogue of Pessimism*', *Man and Nature*

9 ноября 1828 года – дата крайне важная для русской литературы. В тот день *двадцатидевятилетний*(!) Пушкин завершил работу над стихотворением, необычным по своей глубине *даже* для него [10]. Обстоятельства написания этого текста слишком хорошо известны – видимо, поэтому литературоведы, не обнаружив «интриги» (либо обнаружив её «не там»), не сочли необходимым подвергнуть его *объективному анализу* [2, 6, 9] – или же свели этот анализ к *гуманистическому пафосу*, присущему не только поэзии Пушкина, но и всей русской классической литературе [13]. В результате ложно-прозрачная аллегория пушкинского стиха осталась глубоко недопонятой – а его недвусмысленный социальный пафос был прочтён настолько прямолинейно, что сама мысль пойти в каком-либо ином направлении казалась несостоятельной.

Ровно полтора века спустя неожиданные, но пронзительно точные слова скажет Сергей Довлатов: «Больше всего меня заинтересовало олимпийское равнодушие Пушкина. Его готовность принять и выразить любую точку зрения. Его неизменное стремление к последней высшей объективности. Подобно луне, которая освещает дорогу и хищнику, и жертве. Не монархист, не заговорщик, не христианин – он был только поэтом, гением, и сочувствовал движению жизни в целом. Его литература выше нравственности. Она побеждает нравственность и даже заменяет её. Его литература сродни молитве, природе... Впрочем, я не литературовед...» [5, 372].

И вот теперь, когда миновало ещё почти полвека, пора наконец перечитать пушкинский шедевр *без страха постижения новых смыслов*. Тем более что для всей *русской мысли* в целом он оказался ни с чем не сравнимым даром поистине космического интеллекта.

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскалённой¹,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит – один во всей вселенной.

В великих текстах писатель всегда начинает с главного. Здесь перед нами сразу встаёт основной вопрос, не ответив на который стихотворение нельзя *по-настоящему* понять вообще: почему «как грозный *часовой*»? Что охраняет анчар? От кого охраняет? И почему он делает это *грозно*?..

Повременим с ответами – и продолжим чтение.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила
И зелень мёртвую ветвей
И корни ядом напоила.

Другой важный вопрос: почему «в день гнева»? С этих слов, ни много ни мало, начинается знаменитый латинский гимн 13-го века:

Dies irae, dies illa
solvat saeculum in favilla.

В русском переводе Серебряного века:

День суда и воздаянья
в прах повергнет мирозданье [12].

Получается, что день Страшного суда, который, как мы полагаем, ещё только *должен настать*, «на самом деле» *уже когда-то был*, и именно *в тот самый* день Природа (читаем: Господь) создала анчар – «задним числом», как если бы это было *воспоминание* (и оно же *на-поминание!*) о будущем. Это *очень* сильная фраза – и она предупреждает читателя: речь пойдёт об *очень* глубоких вещах, которые выше всяких аллегорий (в том числе, «выше нравственности!»), а значит, потребуют *очень* серьёзных размышлений.

Следующий вопрос: почему «зелень мёртвую ветвей»? Ведь если анчар *ещё не сорван*, если его всё ещё питает раскалённая почва знойной пустыни, почему тогда его листья *уже мертвы*?.. Запомним этот момент – и пойдём дальше.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдёт: лишь вихорь чёрный
На древо смерти набезит –
И мчится прочь, уже тлетворный.

¹ Букву Ё необходимо заменить здесь на Е – иначе *раскалённой* пришлось бы рифмовать со *вселённой*. В русской поэтике 19-го века такая замена считалась допустимой.

В этой строфе Пушкин с филигранной точностью («чертёжник пустыни... песков геометр») «вычерчивает» *хронотоп* анчара.

- «Птица не летит»: это *верхняя горизонтальная прямая*, которая движется сначала в сторону анчара, а затем прочь от него.

- «Тигр нейдёт»: это *нижняя прямая, тоже горизонтальная*, движущаяся туда же и так же.

- «Вихорь чёрный набежит»: это обе горизонтальные (параллельные) прямые, образующие *вертикальную плоскость*, которая тоже движется в сторону анчара, а затем и дальше – но уже *напитанная его ядом*.

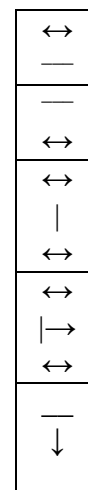
Здесь обязательно запомним прилагательное: вихорь не какой-нибудь – а *чёрный*. Цвет вихря, набегающего на анчар, будет важен!

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей уж ядовит
Стекает дождь в песок горячий.

Ай да Пушкин! По математике в лице «был ленив... и успехи имел посредственные» [8] – между тем *завершённость* начертанной им картины достойна стилуса Евклида!

Проверим ещё раз. В предыдущей строфе мы получили:

- верхнюю прямую – в виде двунаправленного вектора (к анчару и обратно);
- нижнюю прямую, параллельную ей, – направленную так же;
- плоскость – в виде взаимной проекции обеих прямых друг на друга; и
- однонаправленный вектор движения этой *вертикальной* плоскости *по горизонтали* (то есть, к анчару – *параллельно* движению птицы и тигра). В этой строфе мы получили – дополнительно:
- однонаправленный вектор движения *горизонтальной* плоскости «тучи» *по вертикали*, сверху вниз (то есть, тоже к анчару – *перпендикулярно* движению птицы, тигра и вихря).

Но и это ещё не всё! Из предыдущей строфы мы помним: соприкоснувшись с анчаром, «вихорь чёрный» стал *тлетворным*. Из этой строфы мы узнаём, что дождь, порождённый тучей, тоже стал *ядовитым*. То есть:

- с одной стороны, анчар отправляет свой яд *снизу вверх* – питая им вихрь;
- с другой стороны, он отправляет яд *сверху вниз* – питая им дождь и песок.

А теперь вспомним фразу из второй строфы – про «зелень *мёртвую* ветвей», которая отчётливо «резонирует» с фразой: «лист его *дремучий*». («Дремучий» – то есть, *дремлющий смертным сном*.) Это значит, что

- с третьей стороны, анчар отправляет свой яд *внутрь себя*: таким образом, его хронотоп оказывается прочно стереометрически «замкнут» *всеми векторами, логически возможными в трёхмерном пространстве*.

Перед нами предстаёт некая Совершенная Система, самым надёжным образом защищённая от любых «внешних воздействий». Но – *именно здесь* Пушкин произносит важнейшее слово «но»:

...человека человек
Послал к анчару властным взглядом:

И тот послушно в путь потёк²
И к утру возвратился с ядом.

Именно здесь, в пятой строфе «Анчара», происходит «великий перелом» – и чтобы глубже осознать его величие, вернёмся на несколько строф назад. Перед нами друг за другом возникают, условно, «три силы» Природы. Первая «сила» – птица и тигр. Вторая – вихрь и туча. Третья – человек и... *другой* человек. «Перекрёстная логика» трёх этих «сил» так же совершенна и стройна:

- (1) Птица и тигр – «сила» *живая и пассивная*. {+ –}
Они *избегают контакта* с ядом – и остаются *живы*.
(2) Вихрь и туча – «сила» *неживая и активная*. {– +}
Они *контактируют* с ядом – но яд не может убить *неживое*.
(3) Человек и другой человек – «сила» *живая и активная*. {+ +}
Они оба тоже *контактируют* с ядом – но...

...Вспомним слова Довлатова о том, что «литература выше нравственности», и поразмыслим над ними очень внимательно. Если поторопиться – можно прочесть их превратно: «Литература безнравственна». Так считал Оскар Уайльд – и был *отчасти* прав. (Будь он совсем неправ – его не упрятали бы в тюрьму.) Но Довлатов настаивает: «Выше». То есть: нравственность – это как бы «средний этаж» большой литературы, а «верхний её этаж» находится там, куда нравственность просто *не добирается*.

Итак: стихотворение Пушкина – в высшей степени *нравственно*. Оно затрагивает важнейшую *экзистенциальную* драму: взаимодействие человека *властного* и человека *подвластного*. Драму не только важнейшую, но и древнейшую, – вспомним вавилонский «Диалог о Благе», в котором господин, весьма откровенно беседуя со своим рабом на самые животрепещущие темы, всё время требует: «Раб, соглашайся со мной!» [14]. (Это – десятый век до нашей эры!) Но, при всём при том, «Анчар» Пушкина значительно «выше нравственности» – и сейчас мы постараемся *точно* понять, почему.

Прежде всего – вот этот фрагмент: «*Человека человек* послал к анчару». *Птица* не может «послать к анчару» *другую птицу* – и *тигр* тоже не может «послать к анчару» *другого тигра*. А человек – может! Более того: именно эта способность – отправить на смертельно опасное дело *другого вместо себя* – как раз и делает человека *человеком*. Легко понять, что если это происходит, то, скорее всего, имеет место насилие, а насилие – безнравственно. Гораздо сложнее (но необходимо!) понять другое: *сам факт* того, что насилие вообще *может происходить*, – «выше» нравственности.

И это – единственно возможное *решение* проблемы теодицеи.

Когда тигр, побеждаемый в схватке с другим тигром, обнажает горло в знак признания поражения и побеждающий тигр *прекращает* борьбу, нас это «умиляет» – однако *это*, наоборот, «ниже» нравственности: поведение тигра диктует инстинкт. На ту же тему – «избитая» поговорка: ворон ворону глаз не выклюет. А человек – «выклюет». Потому что человек – не тигр и не ворон. Потому что *только* у человека есть тот самый «властный взгляд» – благодаря которому мы получаем... Историю. И *поэтому* к анчару идёт именно человек.

Больше, в *этом* мире, идти за ним – некому!

Пятая строфа «Анчара» *крайне важна* для Пушкина. Важна настолько, что в ней *впервые* появляется «звукочисль»:

² Здесь то же самое: меняем Ё на Е – иначе *потёк* пришлось бы рифмовать с *человёк* (см. сноску 1).

И тот послушно в путь потék
И к утру...

Если произнести только согласные первой и начала второй строк, то можно явственно «услышать» обречённую поступь посланца (ни одна из акцентированных согласных *не длится*):

Т'-ТП'-сл-шн-фП'-Т'П'-Т'б-К-/-К'-Т'р

Отметим, что птица, тигр, вихрь и туча такой отчётливой «звукописи» не «удостоились»: первая пара *жива, но пассивна*; вторая пара *активна, но не жива*. «Звукопись» – это признак *живой активности*. То есть – маркер *осознаваемого присутствия*.

Принёс он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

«Смертную смолу» – это тоже «звукопись». Одинаковые начала обоих слов делают их как бы *метафорически* «однокоренными»: смола есть *смерть* – и *смерть* есть функция смолы. «Да ветвь с увядшими листьями»:

д-В'б-тФ'б-С'-В'б-тШ'-М'б-Л'б-С'т-М'б

Именно так должны «шелестеть» жухлые листья в дрожащей руке человека, получившего смертельную дозу растительного кардиотоксина (и здесь все акцентированные согласные, наоборот, *длятся*). Но в строке «пот по бледному челу» вновь «звучит» «смертная поступь» «бедного раба» (и согласные опять *не длятся*):

П'-ТП'-Б'л'б-Д'н-м-Ч'-л

(Без этого «фонического курсива» пушкинский стих был бы просто глубок, но не был бы так прекрасен!)

Принёс – и ослабел и лёг
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

Вот где появляется «ключевое» слово: *непобедимого*. Именно так назван космический корабль в *одноимённом*(!) романе Лема [7] – и это не просто так! Оба писателя мыслят абсолютно синхронно:

- владыка у Пушкина *непобедим* – ибо *властен над силой человека*;
- астронавты у Лема *непобедимы* – ибо *властны над силами природы*.

(Интересный вопрос к «лемоведам»: могли ли как-то повлиять на польского писателя *пустынный пейзаж* и *образ вихревой тучи* из «Анчара»? Не стали ли именно они, подсознательно, теми «триггерами», благодаря которым у Лема оформился именно этот замысел?..)

А теперь вернёмся назад, чтобы не забыть ещё один момент сходства.

Яд каплет сквозь его кору,
 К полудню растопясь от зною,
 И застывает ввечеру
 Густой прозрачною смолою.

Мы специально пропустили эту строфу, чтобы вспомнить её *теперь*, «читая Пушкина глазами Лема». День – это время *движения*: вокруг летают птицы, ходят тигры – и анчару надо «быть настороже», поэтому его яд *проявляет активность*. Ночь – это время отдыха: всё *живое*, в котором анчар «видит угрозу», *спит* – поэтому можно «расслабиться», и его яд *застывает*.

Магнитная туча на планете Регис-3 ведёт себя точно так же, как яд анчара: если вокруг «всё тихо» – частички металла просто лежат без движения; но как только на горизонте появляется нечто *живое и активное* – эти частички моментально самоорганизуются в «вихрь», безотказно готовый выполнить «команду „format c:\“»...

...Самое сложное комментария требует финальная пушкинская строфа:

А князь тем ядом напитал
 Свои послушливые стрелы
 И с ними гибель разослал
 К соседям в чуждые пределы.

В советском академическом десятитомнике вместо «князь» напечатано «царь». Это, разумеется, пошлая выдумка «идеологически ответственной» редколлегии – что подтверждает черновой автограф «Анчара»: слово ‘князь’ пришло поэту сразу – и при нём нет *ни одной* пометки [11]³. Но дело не только в автографе. Чтó бы ни *думал* сам Пушкин, его интуитивный выбор именно *этого* слова абсолютно безошибочен! Чтобы удостовериться – совершим небольшой этимологический экскурс.

Кто такой «князь» в *данном* контексте? Разумеется, здесь нет того смысла, какой вкладывали в это слово современники Пушкина. Амбициозный соперник анчара – просто некий *человек власти*, способный *повелевать другими*. Власть есть насилие. Для того чтобы люди признали над собой насилие, властный человек должен, прежде всего, *возвыситься* над ними. А самый простой способ *возвыситься* – это оседлать коня, поэтому *конь* – один из древних символов *военной* власти. *Князь* – тот, кто оседлал коня [3].

В том числе, между прочим, – и коня *тroyанского!*

Слово ‘конь’ звучит так же по-сербски и по-польски. В украинском языке это ‘кінь’, в чешском – ‘kůň’ [кунь]. В германских языках «восхождение» к *коню* прослеживается фонетически чётко: в немецком языке это ‘König’ [кёнихь], в английском – ‘knight’ [найт], хотя именно с *конём* эти слова давно уже не ассоциируются. Верная спутница коня – *кобыла*, и с «женской» стороны это «восхождение» фонетически чётко прослеживается, наоборот, в романских языках: в итальянском *кобыла* стала ‘cavallo’ [кавалло], в испанском – ‘caballo’ [кабайо], во французском – ‘cheval’ [шэваль]. Поэтому *конный рыцарь* (‘knight’) стал: в Италии – ‘cavaliere’ [кавальере], в Испании – ‘caballero’ [кабайэро], во Франции – ‘chevalier’ [шэвалье́]. Итак:

• ‘ <u>к</u> онь’	→	‘ <u>к</u> інь’	→	‘ <u>к</u> ůň’		‘ <u>к</u> обьла’	→	‘ <u>с</u> aballo’	→	‘ <u>с</u> heval’;
• ‘ <u>к</u> нязь’	→	‘ <u>к</u> nigh <u>t</u> ’	→	‘ <u>к</u> önig’		‘ <u>с</u> avaliere’	→	‘ <u>с</u> aballero’	→	‘ <u>с</u> hevalier’.

³ Известный кондровод Д. Д. Благого вряд ли можно считать убедительным [1, 181].

Казалось бы, всё «прозрачно». Но тут-то нас и поджидает *самый* важный сюрприз. В немецком языке, наряду со словом 'König', есть также слово 'Knecht' – фонетическая калька английского 'knight': звуки *k* и *gh* сначала произносились [книхът], но через пару столетий «онемели» [найт]. 'Knecht' и 'König' «растут» из того же 'коня' – только в ходе развития немецкого языка они *переосмыслились до полной взаимной противоположности*: 'König' стал *королём*, а 'Knecht' – *слугой*, причём слугой в *высоком* смысле. Knecht – тот, кто *служит*: рыцарь, который *на коне*, тоже ведь служит! И не случайно главный герой *главного* романа Гессе получает имя Кнехт! [4]

Так изнутри *этимологии* «вызревает» *диалектика*: подлинной *властью* (power), «осенённой» *авторитетом* (authority), может обладать лишь тот, кто сам способен подчиняться, то есть *служить*. Только из хорошего *Knecht*'а может выйти хороший *König*! И тот, кого князь-«книхът» отправляет за анчаром, не просто *раб*: он – раб-«кнехт»!

Вот это *очень* интересно! Зачем вообще «кнехт» пошёл за анчаром? Сутки – туда, без воды, по невыносимой жаре; сутки – обратно, по такой же жаре, да ещё со «смертной смолой» в руке... *Зачем?! Разумеется*, откажись он идти – его ждала бы казнь. Но ведь, в виду столь «увлекательного» путешествия (заведомо «в один конец»), *любая* казнь стала бы для него относительно лёгкой. И тем не менее, он за анчаром – *идёт*! Так *почему* же?

Потому что он человек, а не зверь и не птица. Потому что он способен *сознательно подчиниться* другому человеку. Вне зависимости от того, прав тот или не прав. Вне зависимости от того, кто из них «хищник» и кто «жертва». Здесь важно только одно: он *может* это сделать! И он это – *делает*. И гибнет. Но гибнет – *зная, на что* шёл. Не ради *подвига* Солдата, и даже не ради *долга* Человека, – а просто потому, что человек не может иначе.

Вот куда долетает пронзительное «эхо» того самого «стремления к высшей объективности», которое Довлатов *не побоялся* разглядеть у Пушкина. (Если бы *побоялся* – тогда судьба повести «Заповедник» на его родине, возможно, сложилась бы по-другому.)

Точь-в-точь такое же стремление есть и у Лема. *Его* «вихорь чёрный» (именно *чёрный*: вот почему важен цвет!), который, методично лишая астронавтов памяти, целиком «стирает» их личности, – такой же «грозный часовой», с тем же самым «секретным предписанием», что и у анчара. Он – *второй* «во всей вселенной». Он же отсылает к *главному* вопросу, с которого мы начали: что охраняет анчар на Земле?

И – что охраняет магнитная туча на планете Регис-3?

А охраняют они оба ровно одно и то же: Статус-кво *Бессознательного* Состояния Системы. Потому что **любое сознательное вмешательство в Систему потенциально опасно для неё – и должно быть исключено**. Читая Пушкина и Лема «польско-советскими» глазами 60–70-х годов прошлого века, очень легко попасться на удочку «ложной аллегории», в которой один «статус-кво» – якобы режим Николая Первого (на эту «удочку» как раз попался Дмитрий Дмитриевич Благой), а другой «статус-кво» – якобы режим Болеслава Берута. Но и Пушкин, и Лем *выше этих аллегорий*. Их шедевры – не о политике и не об идеологии: они – о Человеке во всей *космической* сложности его Предназначения, а оно неизмеримо «выше» той *земной* сложности, которая так интересовала Толстого и Достоевского. Они оба – и Пушкин, и Лем – безусловно «сочувствуют *высшей объективности* движения жизни в целом».

Да, человек *реально опасен* – и для биосферы Земли, которую *от него* охраняет анчар, и для некросферы планеты Регис-3, которую *от него же* «охраняет» магнитная туча. Вот только *без человека* Земля всегда была бы «пуста и безвидна», а единственным «украшением» Региса оставались бы нелепые «заросли» металла. И тогда обе Системы «закупились» бы в своём *самом надёжном* Состоянии – *Бессознательном*. Навсегда.

«А князь тем ядом напитал... и гибель разослал». Уж если «примерять» *аллегию*, тогда в финальной строфе «Анчара» она точно не мельче, чем пророчество ядерной

угрозы («Dies irae»)! И вот тут Лем, хотел бы он того или нет, вступает с Пушкиным в самый важный экзистенциальный спор.

• «Книхът» *побеждает* Природу (в виде анчара) – и отворяет «ларец Пандоры»: первый «ключ» от него приносит гибнущий «кнехт».

• Астронавты тоже *побеждают* Природу (в виде магнитной тучи) – и... надёжно затворяют этот «ларец»: второй «ключ» от него «приносят» сперва *гибнущий* от тучи «Кондор» – а затем *выстоявший* перед нею «Непобедимый».

Так Невмешательство становится *наивысшей* формой Вмешательства. И это, если угодно, – уровень нравственности, которая *выше самой себя!* (Ту же идею разовьют потом братья Стругацкие – и она станет едва ли не *самой* важной в их творчестве.) Вот почему и стихотворение Пушкина, и роман Лема – это дары Большой Литературы.

Для Человека Земли – она выше нравственности.

Для Человека Космоса – в самый раз!

Список литературы

1. Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина, 1826–1830. М.: Сов. писатель, 1967 // Фрагмент об «Анчаре». С. 180–202.
2. Боголюбова В. Г. Ещё раз об источниках «Анчара» // Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 2. С. 310–323.
3. Булыгин В. Я. О происхождении слова ‘князь’ // Учёные записки Императорского Казанского Университета. 1834. Кн. 1. С. 105–113.
4. Гессе Г. Игра в бисер / Пер. с нем.: С. Апт. // Гессе Г. Избранное. М.: Радуга, 1991. С. 75–433.
5. Довлатов С. Д. Заповедник // Довлатов С. Д. Малое собр. соч. / Гл. ред. А. Жикаренцев. СПб.: Азбука, 2015. С. 333–430.
6. Долинин А. А. Из разысканий вокруг «Анчара» // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования / Под ред. Дэвида М. Бетеа, А. Л. Осповата, Н. Г. Охотина и др. М.: ОГИ, 2001. (Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 7.) С. 11–41.
7. Лем Станислав. Непобедимый / Пер. с польского: Д. М. Брускин // Звезда. 1964. № 9–10.
8. Литвяк Елена. Отзывы наставников о воспитанниках 1-го курса Императорского Царскосельского Лицея // Первое сентября. Газета для учителя. № 69 (1328), 19.10.2004.
9. Лотман Ю. М. А. С. Пушкин [Анализ стихотворений] // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэт. текста. СПб.: Искусство-СПб., 1996. С. 778–783.
10. Пушкин А. С. Анчар // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. М.: Госиздат, 1959. Т. 2. С. 229–230.
11. Пушкин А. С. Анчар / Черновой автограф (ИРЛИ АН СССР, шифр 1244/166) // см.: Якубович Д. ... С. 871.
12. Эллис (Кобылинский Л. Л.). Dies irae [1911] // Эллис. Стихотворения. Томск: Водолей, 1996. 288 с.
13. Якубович Д. Заметка об «Анчаре» // М.: Журнально-газетное объединение, 1934. С. 869–876.
14. Lambert W. G. Babylonian Wisdom Literature. Oxford, 1960. P. 139–149 / Пер. с аккадского и комм.: В. В. Емельянов // Цит. по изд.: Емельянов В. В. Ритуал в Древней Месопотамии. СПб.: Азбука-классика, 2003. С. 301–308.

